

Как ни крути, это совсем не походило на поведение, подобающее куньцзюню.

Се Жан кивнул, и Лекарь Фэн продолжил:

— Впрочем, у господина Се на затылке, в области железы, похоже, есть следы бывшего ранения. Если раньше вы действительно были куньцзюнем, возможно, как раз из-за повреждения железы это и...

— Вы говорите, что у меня на затылке была травма?

— Разве взрослый не помнит? — Лекарь Фэн несколько озадачился. — Судя по текстуре кожи, рана была немаленькой. Правда, зажила она превосходно, почти не оставив шрама, — должно быть, использовали целебную мазь особого приготовления.

Рана на затылке, да еще и немаленькая.

Се Жан коснулся своего затылка, слегка нахмурившись.

Он не помнил, чтобы у первоначального владельца тела была столь серьезная травма — ни в содержании книги, ни в туманных воспоминаниях не нашлось никакой подобной информации.

— Затылок близко к головному мозгу, при тяжелом ранении действительно возможно повлиять на память, — не стали глубоко вдаваться в подробности, лишь мягко успокоил Лекарь Фэн и медленно добавил: — По мнению этого старика, шрам не выглядит старым, ранение должно быть получено в пределах года...

Се Жан не смог отыскать в памяти ничего подходящего, поэтому ему оставалось лишь временно отправить Лекаря Фэна восвояси.

Едва вся процессия вышла из спальни, как они нос к носу столкнулись с Юйвэнь Юэ, вернувшимся после купания.

Юноша переоделся в свою привычную повседневную одежду, его слегка влажные длинные волосы еще не были забраны в корону, и вид у него был более непринужденный, чем обычно.

Но стоило ему увидеть Се Жана, как его красивое лицо помрачнело.

— Чем это от тебя пахнет?

Се Жан замер.

Взгляд Юйвэнь Юэ тут же переместился на немого слугу, стоявшего за Лекарем Фэном. Его зрачки сузились, густой синьсян цяньцзюня словно обрел плоть, отчего тело немого слуги сильно задрожало, и он с глухим стуком рухнул на колени.

Немой слуга заикался, кланяясь и моля о пощаде, и только тогда Се Жан опомнился, поспешно шагнув вперед.

Не успел он и рта раскрыть, как Юйвэнь Юэ допросил его:

— Он трогал тебя?

Се Жан:

— ...

С каких это пор эта фраза звучит так обиженно? Главный герой, когда это твой образ рухнул?

Впрочем, понять это было несложно.

Собственнический инстинкт цяньцзюня был из ряда вон выходящим, особенно по отношению к куньцзюню, которого он некогда метил — к нему он проявлял особую чуткость. Подобное чувство территориальной принадлежности шло почти от инстинктов, и разум не мог над ним властвовать.

Се Жан вычитал в книге о подобных проявлениях и, набравшись терпения, успокоил:

— Нет, он меня не трогал.

Хотя они и подошли чуточку ближе, но касаться — точно не касались.

Правда, возможно, желая проверить, остался ли на нем хоть какой-то синьсян, этот немой слуга выпустил немного собственного синьсяна цяньцзюня рядом с ним.

На беду, ни Се Жан, ни Лекарь Фэн не могли учуять синьсян, а этот слуга к тому же был немой...

Юйвэнь Юэ пристально смотрел на Се Жана, молча.

Запах от Се Жана на самом деле был едва уловимым.

Мало того, что аромат синьсяна незнакомого цяньцзюня оказался предельно слабым, даже запах, оставленный на нем Юйвэнь Юэ, почти сошел на нет.

Прошла ночь, и тот сливовый аромат вновь сделался чистым, словно ничего и не происходило.

Се Жан не был куньцзюнем.

Никто не мог оставить на нем хоть какой-то след.

Настроение Юйвэнь Юэ с самого утра не задалось, а это осознание и вовсе заставило его ощутить тяжесть в груди и невыразимое раздражение. Холодно бросив: «Понятно», он обошел всех и направился напрямик в покои.

Лекарь Фэн окаменел от страха, увидев, что маленький император осмеливается так разговаривать с Императорским наставником. Се Жан отвел взгляд и только собрался что-то сказать, как стоявший рядом с ним человек тоже шмякнулся на колени со словами:

— Помилуйте, господин Се!

Се Жан:

— ...

Он нагнулся, чтобы поднять слабонервного старого лекаря, бросил взгляд на все еще дрожащего на полу немого слугу и беспомощно произнес:

— Ничего страшного, возвращайтесь пока. Я... я пойду переоденусь.

Се Жан сменил одежды и еще трижды тщательно окурил их благовониями, прежде чем снова войти в спальню.

Слуги как раз расставляли на столе обед. Се Жан окинул взглядом комнату, не обнаружив знакомой фигуры, и снова тяжело вздохнул.

Ему стоило забрать свои слова обратно: этот маленький император оказался куда сложнее в обращении, чем все ученики, которых он встречал прежде.

Какой же он ученик, это его маленькое бедствие.

Маленькому бедствию, по правде говоря, тоже было некуда податься, и он, скорее всего, снова уединился в Теплом павильоне. Се Жан заглянул внутрь и, как и ожидалось, увидел фигуру,

сидевшую с книгой на кушетке.

— Ваше Величество, не будете обедать? — спросил Се Жан.

Юйвэнь Юэ даже не поднял головы, сделав вид, будто ничего не слышит.

Се Жан подошел ближе:

— С самого утра почти ничего не съели, столько времени занимались цигуном, неужели не проголодались?

Юйвэнь Юэ перевернул страницу в руке, и его голос прозвучал холодно:

— То, ем я или нет, какое отношение имеет к тебе?

— Какое же это не имеет? — уголки губ Се Жана чуть приподнялись. — В конце концов, я занял тело твоего учителя, а раз ты теперь сирота без роду и племени, я должен о тебе заботиться.

Пожалуй, он был первым человеком за всю историю, кто говорил о захвате чужой личности с таким легкомыслием.

Рука Юйвэнь Юэ, сжимавшая книгу, бессознательно напряглась.

Опять несет чушь.

Неужели он всерьез думает, что стоит ему повторить это пару раз, как он поверит?

Позволяет читать книги, разрешает заниматься боевыми искусствами — неужели Се Жан в самом деле считает, что этих мелких подачек хватит, чтобы завоевать его доверие?

Юйвэнь Юэ опустил взгляд и промолчал, а Се Жан продолжил:

— И впрямь не будешь? Я ведь сегодня даже велел специально приготовить твое любимое сливовое печенье, если не пойдешь сейчас — оно остынет.

Юйвэнь Юэ резко поднял голову:

— Ты...

В книге говорилось, что Юйвэнь Юэ родился в Холодном дворце, с детства нуждался в одежде и пище, а потому не имел особых пристрастий к еде. Единственным, что можно было назвать особенным, было сливовое печенье и миска лапши долголетия, которые в какой-то из дней рождения его наложница-мать передала через доверенных людей вместе с ингредиентами.

Юйвэнь Юэ смотрел на Се Жана, и его взгляд становился все темнее и темнее.

И теперь он снова собирается использовать это, чтобы задобрить его?

Даже его мать посмел пустить в ход?

...И откуда у него только наглости хватает.

Се Жан, разумеется, заметил перемену в его настроении. Рука, которой он собирался хлопнуть Юйвэнь Юэ по плечу, застыла на полпути, и стоило ему попытаться ее отдернуть, как юноша крепко схватил его за запястье.

Жгучий жар исходил из ладони мальчика, обжигая Се Жана и заставляя его вздрогнуть.

<http://bllate.org/book/26021/3115778>